

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЭКСПРЕСС

(необычное знакомство)

*Рассказ воспроизводит
фактические события*

Карантин по коронавирусу многие из пенсионеров проводили на дачах. Так поступил и я. Однажды в мой скромный дачный домик вошел сосед. Это был высокий, седовласый, крупно сложенный, с уверенным, даже властным взглядом человек. О своем возрасте он никогда не говорил, но как-то при случае упоминал, что в конце Великой Отечественной войны ему было 14 лет. Обычно сосед больше молчал и слушал, кратко отвечая на вопросы. На этот раз, к моему удивлению, он быстро и горячо разговорился.

– Много в жизни было событий. Большинство со временем забывается. Однако бывают такие необычные, нелепые, даже неприятные, что забыть их не можешь, а рассказывать о них вроде как ни к чему. В молодости было у меня подобное происшествие. Всю жизнь в себе пронесил, никому слова о нем не проронил. Теперь ночью не спится, перебрал снова все в памяти, и думаю, что при нынешних обстоятельствах может даже это кстати будет.

Послушай, может, что рассудишь.

В то время я занимал солидную должность и находился в командировке в Москве, моя жена повышала квалификацию на месячных курсах в Ленинграде.

Деловые встречи в министерстве закончились на сутки раньше намеченного срока. Я решил воспользоваться свободным днем и навестить жену.

Переоделся в летнюю спортивную форму, чемодан (тогда было принято ездить с чемоданом) с документами и официальным костюмом сдал в камеру хранения гостиницы.

На вокзал отправился пешком. Настроение было прекрасное. Шел бодро, гордо подняв голову, не без удовольствия ловил на себе взгляды молодых женщин.

«Стрела» – так назывался скорый поезд, который отправлялся в полночь и находился в пути всего шесть часов. Вагон был оборудован по трамвайному типу – сиденья по обе его стороны с широким проходом посередине. Усевшись в удобное кресло, я незаметно задремал.

Разбудили меня довольно громкие, невнятные, испуганные вскрики. Послышались недовольные замечания пассажиров. Кричал сидящий напротив меня мужчина средних лет. Я решил его успокоить.

– Товарищ, нельзя ли не шуметь? Вы не один в вагоне.

Кричавший встрепенулся и уставился на меня. Наши взгляды встретились. Вдруг глаза его округлились, лицо побледнело, исказилось, и он дико закричал.

– А-а-а! Я узнал его! Это он! Палач!

Мужчина вскочил на ноги и двинулся ко мне, громко повторяя:

– Хватайте его! Это убийца! Он никого не пощадит!

Сидящие в вагоне уставились на меня, многие со страхом и даже с ужасом. Это было неувидительно. После войны прошло едва более деся-

ти лет, военных преступников выловили еще не всех, и нервы у людей были напряжены.

Чтобы разрядить обстановку, я решил выйти покурить. Стоило мне протянуть руку в задний карман брюк за сигаретами, как мужчина бросился на пол и закричал:

– Спасите! У него пистолет! Он убьет меня!

Стиснув зубы, я направился к выходу. Мне еле удавалось сдерживать себя. Хотелось зажать ему рот и усадить на место, но это было бы уже насилие. Откровенно говоря, я сильно растерялся и не знал, что нужно предпринять. Едва ли кто-то другой на моем месте чувствовал бы себя лучше.

Уединившись в тамбуре, я облегченно закурил. Не успел затануться, как дверь открылась, и появился мой преследователь.

– А-а! Прячешься? Теперь не уйдешь!

Нервы мои больше не выдержали. Я сорвался на крик. Замахнулся на него.

– Замолчи! Отстань!

Он кинулся от меня как от огня, вытянув вперед руки.

До сих пор не могу понять, как и почему противоположная дверь тамбура оказалась незапертой. Кричавший открыл ее и остановился в проёме. Ворвавшийся ветер ударил в лицо, четкий стук колес превратился в грохот.

Вагон качнулся, и стоящий упал. Одна половина его тела лежала на полу, вторая была снаружи. С ужасом я заметил, что ноги его уползают из тамбура. Не помню, как бежал и, падая, успел схватить его за ботинки. В этот миг он сорвался и повис в воздухе. Мне удалось упереться ногой в косяк двери. Теперь я вцепился в него обеими руками и кричал:

– Держись, хватайся за подножку!

Но он безвольно висел. Видимо был в шоке. Превозмогая себя, я тащил его кверху, а сам боялся – как бы не сорвалась моя нога. Тогда мы оба улетели бы под откос. Сколько продолжалось это “спасение”, и сегодня сказать не могу.

Пришли в себя на полу посреди тамбура. Мы лежали, крепко обняв друг друга, и тяжело дышали. Первым встал кричавший, безумно огляделся и шатаясь ушел в вагон.

Я еле встал, закрыл дверь, прижался лбом к её прохладному стеклу и замер без дум и мыслей. Отдышавшись и успокоившись, вернулся в вагон. Первым делом осмотрел кричавшего. К моему удивлению, он мирно спал, слегка закинув назад голову. Постояв около него, я тихонько вернулся на свое место. Уснуть не смог, а погрузился в какую-то полудрёму. Очнулся, когда поезд остановился. Мой необычный сосед был уже на ногах. Он пытался с кем-нибудь заговорить. Однако пассажиры проходили мимо, делая вид, что не замечают его. Он растерянно оглядывался. Я подошел к нему.

– Доброе утро! Вы меня не забыли?

Удивленно взглянув на меня, мужчина язвительно ответил:

– Считаете, что мне нужно помнить всех, кто находился в вагоне? Я вас не знаю, но готов познакомиться.

Я был ошарашен. Глупо стоял, не зная, как выпутаться из создавшегося положения. Решил плюнуть на все расследование, уйти и навсегда забыть это безобразное событие. Повернулся к нему спиной и вдруг услышал:

– Молодой человек, не уходите, прошу вас! Помогите мне достать чемодан с полки. Забросил, а снять не могу.

Он показал мне правую руку. Это был протез в черной перчатке.

Я оторопел! – «Как же мог не заметить такое?»

Не говоря ни слова, снял чемодан и вынес его из вагона. Мужчина протянул к нему здоровую руку.

– Спасибо. Теперь дотащусь как-нибудь до трамвая!

Я снова подхватил чемодан, и мы вышли в город. У меня не находилось слов, чтобы начать разговор. В голове застряла мысль: «Неужели он ничего не помнит? Пусть не узнает меня, но забыть все невероятные события прошедшей ночи? Неужели это возможно?»

К моему удивлению, мужчина оказался добродушным и разговорчивым. Благодарно поглядывая на меня, он рассказывал:

– А я, знаете, у сестры гостил в Подмосковье. Пока до поезда добрался, упарился весь, еле в вагон залез. Как бухнулся в кресло, так и уснул до утра. Сиденье хоть и удобное, но не кровать. Спина заболела утром – как отшибленная. Вы видите спортсмен? На соревнования спешите?

Не желая разговорами затягивать встречу, я согласно кивнул головой, а провожаемый продолжал рассказывать:

– А я совсем в юном возрасте руку потерял. Партизанил под Харьковом. Подрывали немецкий эшелон с пополнением на фронт, а мина не сработала. Я решил подорвать ее гранатой. Добежал, бросил и больше ничего не помню. Говорят, взрыв был невероятной силы. Видимо, среди пассажирских вагонов был грузовой с боеприпасами. Они так бахнули, что все вагоны разлетелись по сторонам. Очнулся я в грузовике. Валяюсь в кузове, кругом немцы-солдаты. Привезли в город, Чугуев называется. Здесь и пытали три дня.

– Где отряд базируется? Сколько бойцов? Какое оружие?

Мучили полицаи-украинцы. Двое держат, третий издевается. Он топор к горлу приставил мне и смеётся.

– Я Гриша Билык, убивать привык. Будешь молчать, изрублю на куски, собакам скормлю.

Провожаемый вдруг даже приостановился, поднял покалеченную руку и злобно почти прокричал:

– Эту рожу, этого бандеровца забыть не могу, так и стоит перед глазами. Он лысый был, на нем тубетейка всегда была белая.

Я чуть чемодан не выронил от неожиданности. Дело в том, что сутки назад я ездил на экскурсию в подмосковный совхоз. Жара стояла невыносимая, и каждому из нас подарили легкий беленький чепчик. В поезде я не снял его, а во время нашей борьбы в тамбуре он вылетел за двери. Неужели маленькое безобидное подобие шапочки так всколыхнуло память этого человека?

Мы уже подходили к остановке, а мой спутник все продолжал говорить:

– Два дня били и мучили меня полицаи. На третий Гришка пальцы на руке отрубил, а потом и всю кисть. Я потерял сознание, они решили, что умер, выволокли и сбросили с высокого обрыва в речку. Утром подобрали меня на мели два старых рыбака, лечили всё лето, а осенью проводили к партизанам. Воевать я уже не мог, за лошадьми ухаживал.

Он поднялся в вагон, трамвай тронулся, я смотрел ему вслед. Знакомый стоял у окна и прощально махал мне рукой...

Закончив рассказ, сосед глянул на часы и торопливо встал.

– Пойду к себе, телевизор включу. Бандеровцы бьют и бьют по Донецку, ни старых, ни малых не щадят. Пойду, надо посмотреть, как там дела на Украине.

Сосед накинул на плечи куртку и пошёл к себе смотреть новости.

КОМАНДИР ШТРАФНОЙ РОТЫ

Наверное, нет на свете ничего более грустного и умиротворяющего, чем старое деревенское кладбище ранней весной. Летняя жизнь ещё не обозначилась, а вечность заполнила скорбным молчанием и запахом прелой прошлогодней растительности весь этот припавший к речке, пригорюнившийся сосновый бор.

Когда-то здесь собирались мы – родственники в один день по стовору со всех сторон страны, а теперь по несостоятельности приезжаем к отцовской могиле поодиночке с какой-нибудь оказией. Вот и в этот раз через много лет я с попутной машиной добрался в родной поселок и пришел на погост.

На одном из скромных памятников, стоящем над плохо ухоженной могилой, я вдруг увидел выцветшую фотографию, вид которой заставил меня остановиться. Эти веселые честные глаза, необъяснимо обаятельная улыбка были мне очень знакомы. Память молниеносно вернула меня на несколько десятилетий назад, ко времени встреч с этим человеком, которого я знал.

Он появился в поселке года через три после окончания войны. Высокий, крепкий, красивый, всегда в гимнастерке, брюках-галифе и хромовых блестящих сапогах. Когда он надевал свой парадный офицерский китель, вся грудь его была увешана орденами и медалями. У него была необычная для наших мест семья: жена – молодая пышнотелая узбечка и двое детей – мальчик и девочка, которые не унаследовали от отца ни одной русской черты. Они были смуглы, черноголовы и черноглазы, как мать.

Мы жили по соседству, и несмотря на значительную разницу в возрасте, я больше, чем другие парни, имел возможность общаться с фронтовиком. Когда стало известно, что он был командиром штрафной роты, многие пытались узнать подробности его боевой жизни, но получали в ответ шутки или молчание. Однако мне иногда удавалось услышать его краткие рассказы во время редких деревенских застолий, где собиралось несколько соседей-фронтовиков и солдатских вдов. Говорил он кратко, негромко, как бы стесняясь или боясь осуждения.

– Принял я роту после тяжелых боев, когда от нее одно название осталось. Поступила команда получать пополнение. Взял я двух автоматчиков и прибыл на станцию, а там грузовой эшелон и охрана с пулеметами и собаками. Отсчитали мне три вагона – забирай. Двери откатали – вылазит пополнение. Показалось мне, что достались в тот раз одни урки. Кое-как собрали их в колонну и двинулись вперед. Вижу, один бритоголовый что-то все крутится и вроде как команды другим подает. Отошли километра два, и отряд наш стал рассыпаться. Одни отстают, другие в стороны отходят. Сколько ни кричу – никто не слушает.

Автоматчики мои заволновались. На меня оглядываются. Этот плешистый почувствовал смену обстановки и, сдирая рубаху, заорал:

– Кореша, их всего трое. Берем у них оружие – и айда в поле! Тама разберемся.

На этом месте Василий Борисович обычно опускал голову к столу, лопатки его оттопыривали на спине гимнастерку, и он некоторое время молчал, справляясь с волнением. Затем, заглядывая каждому слушателю в глаза, хлопнув ладонью по столу, произносил хриловато, как бы подводя итог:

– Вот ведь гад какой! А?

Окончание этого события он излагал как бы с сожалением. Говорил как о неизбежной беде, опустив глаза в стол. Слова звучали приглушенно и бесстрастно, как горестное признание.

– Вижу: дело швах. Нас перебьют и сами разбегутся. Кинулся я к нему, он на меня. Такой бугай наглый, лет под пятьдесят, а мне только-только 22 исполнилось. Закипело все во мне от обиды. Нет никакого страха, одна обида и злость.

Он коротко вздохнул, вяло махнул рукой, как бы отгоняя назойливую муху, и закончил:

– Выстрелил я ему прямо в лоб и бегом мимо него в самую середину толпы. Гранату выхватил и кричу: «Я, Вшивков Василий Борисович, всех перебью, жизни не пожалею, но будет по-моему. Равняйся! Смирно!».

Держу гранату над головой и шагаю вдоль строя. Сразу все притихли, двинулись дальше. Так и дошли до расположения части, а там уже охрана нас встретила.

Иногда кто-то из слушателей, неуверенно разрывая установившуюся за столом тишину, спрашивал:

– А еще-то приходилось стрелять? Или как?

Василий Борисович в таких случаях осматривал интересующегося несколько обиженно, даже с упреком, и отвечал как-то двусмысленно, вроде того, что «война – это тебе не игра». После этого обычно вставал и, выйдя на крыльцо, закуривал «Беломор». Когда он возвращался, за столом опять воцарялась тишина, и снова спокойно звучал его голос:

– Как воевали? Известное дело – штрафная рота, всю дорогу то на заслон, то на прорыв. В наступлении до победы, в обороне – до конца. Два случая было, когда немцы в наши окопы врвались. Оно ведь как? Наступающие сначала приближаются перебежками, а метров за 50 – вперед броском. И все время палят. Добегает немец до нашего окопа, а патронов у него уже в автомате нет. И нам некогда с пулеметами ворочаться. Вот тебе и рукопашная! Страшное это дело. Как во сне. В себя приходишь только после схватки, а тут уже вторая волна немцев наступает. Бывало, что и убитых из окопа вынести некогда. Так по ним и бегать приходилось.

– Господи, страсти-то какие, – шептали бабы, а бывшие солдаты подтверждаяще кивали головами.

– Дисциплина какая была? В бою все как один. Опасность сближает. А так – всякое бывало. Некоторые не подчинялись сначала. Бывало и хуже. Один раз сажу на дереве с биноклем, сверяю карту с местностью. Знаю, что скоро идти в наступление. Вдруг из нашего же окопа очередь из ручного пулемета прямо по мне. Еле успел спрыгнуть вниз.

Одна из слушательниц глухо ахнула.

– Да кто же это подлец такой?

Василий Борисович бросил на нее быстрый взгляд и улыбнулся своей приятной улыбкой снисходительно и добродушно.

– Нашли этого стрелка быстро. Смотрю – совсем пацан. Дрожит и слезы на глазах. Кто-то, думаю, заставил его. Наверное, уголовники запугали. Я ему говорю: «Что же ты так безобразно стреляешь? С полсотни метров не попал. Так нельзя... В наступление рядом со мной пойдешь, и чтобы стрелять как положено. Без промаха!»

Рассказчик бросил в рот папиросу, склонившись над спичкой, прикурил, затянулся и вновь заговорил, одновременно выпуская дым:

– Ранило его в том бою. Тяжело. В живот. Несут его на плащ-палатке, а он плачет и смеется: «Командир! Я теперь свободный. Больше не штрафной...».

– Каждый знал, что искупить вину можно только своей кровью или гибелью. Какова вина, неважно, – цена для всех одна.

Чаще всего рассказ прерывался неожиданно. Василий Борисович смолкал, долго смотрел в одну точку, потом, как бы очнувшись, вставал и уходил в школьное общежитие со словами: «Ладно... Пойду в свой «гарнизон».

Вспомнился мне и доверительный разговор его жены с моей матерью:

– После войны Васю назначили комендантом одного маленького городка в Германии, а я у него переводчицей служила. Там мы и поженились... Добрый он очень и доверчивый. Думает, все кругом такие же, как он, искренние. Когда комендантом стал, хотел всем помочь. Бывало, придет военный и говорит, что он летчик, который бомбил город при наступлении нашей пехоты. Василий весь загорится.

– Спасибо, друг, ты нас крепко поддержал с воздуха.

И пишет на склад, чтобы выдали герою-летчику костюмной ткани. То одежду даст, то продуктов. Потом оказывалось, что всем этим на толкучке торгуют бессовестные люди.

С трибуналом местным тоже дело не пошло. Иногда возьмёт солдат на развалинах какую-нибудь одежду, или часы, или аккордеон. Бывало, что и патефон старый. Его судить – за «мародерство», а Василий опять бежит:

– Вы что? Боевого воина за тряпку расстреливать? Так нельзя... Я с ним поговорю, он больше не будет. Сами-то небось и фронта не нюхали, все по судам командуете.

Прямота эта многим не нравилась... В общем, полгода всего и поработал он, а потом другого прислали. Нас перевели в воинскую часть, но и там он не ужился. Однажды ожидали какого-то генерала, готовились к парадному построению, и старшина разбудил роту раньше времени. Вася, когда узнал, что его солдаты недоспали, накинулся на старшину:

– Ты что творишь, кукурузная твоя харя? Разве можно у солдата полчаса сна отбирать? Это святое время отдыха, а ты его украл. Все! Больше я с тобой не служу. Я тебя отстраняю!

Женщина помолчала, опустив голову, а когда подняла глаза, на лице блуждала грустная улыбка, и она закончила рассказ:

– А вышло все наоборот, Васю отстранили, а старшина остался. Хорошо, что сюда устроился в профтехучилище военруком. Все-таки он вроде как командир. Ему всегда о ком-то заботиться нужно. О себе он и не думает никогда. Не напомни ему, он и про еду забудет – все бы только с учащимися занимался.

Воспоминания мои были прерваны звуком тихих шагов. Оглянувшись, я увидел рядом с собой старую женщину. Худое лицо с тусклыми глазами, поношенная старомодная одежда говорили о её трудной небла-

гополучной жизни и слабым здоровьем. Она заговорила со мной первая глухим, бесцветным голосом.

– Я тут живу рядом. Смотрю – человек стоит долго одинешенек. Кто, думаю, такой? К кому пришел?

Представившись, я спросил ее, не знает ли она, когда и как скончался Василий Борисович.

– Как не знать. Я вместе с ним в училище работала. Воспитателем. Он всё меня сестренкой звал, потому что я тоже всю войну на фронте санитаркой была. Погиб он, голубчик наш, неожиданно и негаданно.

И она, часто замолкая, чтобы с трудом передохнуть своей слабой грудью, поведала мне следующее:

– Однажды на железной дороге охранники вагонов разодрались с нашей милицией. Не поделили что-то, а те и другие с оружием. И учинили перестрелку. Василий Борисович, когда услышал это, и говорит:

– Вот глупые. Сами себя перестреляют и невинные могут пострадать. Так нельзя...

Да и помчался туда. Спрыгнул прямо в середину стрелявших с крыши вагона.

– А ну! Встать всем по форме. С вами говорит Вшивков Василий Борисович! И не вздумайте сопротивляться. Всем сдать оружие!

Он подходил к каждому, выхватывал из рук карабины и ставил их к вагону. Затем сгреб нарушителей в кучу и гаркнул так весело и командно, как умел это делать только он один:

– Прямо! Шагом марш!

Необычная колонна двинулась к зданию небольшого вокзала, где засела группа стрелков железнодорожной милиции. Когда половина пути была уже пройдена, с их стороны вдруг прогремел выстрел. Кто-то из стрелков, не разобравшись в ситуации, неожиданно спустил курок. Василий Борисович остановился и схватился за грудь. Между пальцев брызнула кровь. Он посмотрел на ладонь и удивленно произнес:

– Вот тебе и раз!

Конвоируемые обернулись к нему и тоже остановились.

– А ну, грешники, не крути башками. Вперед смотри!

И он вновь зашагал к вокзалу. Ему было тяжело, и арестованные поддерживали теперь его со всех сторон. Шагов через десять он упал, потеряв сознание. Он метался без памяти ещё несколько минут в здании вокзала, куда его перенесли. В последний раз, поднявшись на локтях, он крикнул в бесконечность:

– Знаменосец, вперед! Рота, в атаку! За мной!

Это были его последние слова. Закончив рассказ, женщина замолчала. Тишина вновь сковала все вокруг, и только весенняя капель булькала в лужу, как редкие мужские слезы.